

— Наставник?

Су Цзюгуй обернулся и увидел Вэнь Ци. Тот и впрямь усердно тренировался каждый день, вставая с первыми петухами.

Изначально Вэнь Ци собирался на пробежку вокруг озера — он беспрекословно следовал наставлению Су Цзюгуя укреплять тело, — но не ожидал столкнуться с ним прямо у ворот.

Су Цзюгуй изменился с момента их первой встречи. Прежде в его облике сквозила неосознанная жестокость — опасный, колющий блеск, который невозможно было скрыть никакими притворствами, даже маской лисьего куртизана. Теперь же он казался невесомым. Словно незримый внутренний стержень мягко удерживал его спину прямой, лишая прежней резкости, но не позволяя согнуться. Сейчас он был истинным заклинателем.

Вэнь Ци никогда ещё так отчётливо не понимал: перед ним стоит сам Лу Юньцзи.

— Закаляешь тело? — спросил Су Цзюгуй.

Вэнь Ци глупо кивнул.

— Хочешь учиться искусству меча? — последовал новый вопрос.

Вэнь Ци снова остолбенел. Су Цзюгуй обучал его исключительно под настроение: стоило нахлынуть вдохновению, как он показывал новый приём. Сначала научил укреплять плоть и чертить талисманы, а теперь дошёл до меча.

— Но у меня нет меча, — растерянно пробормотал юноша.

В Городе между Облаками заклинательство было под строжайшим запретом, а после недавних обысков Армии Таинственных Символов найти здесь хотя бы клинок казалось делом невозможным.

Су Цзюгуй промолчал. Тонкая паучья нить соскользнула с его пальцев, обвила сухую ветвь старого зизифуса в углу двора и с сухим щелчком переломила её.

Су Цзюгуй перехватил ветку:

— Тот, кто идёт по пути меча, не привязан к оружию.

С этими словами он плавно шагнул вперёд. Ветка свистнула в воздухе. Вэнь Ци показалось, будто он уловил тонкий, едва различимый звон, словно клинок рассёк саму пыль в воздухе. Да,

это был лишь взмах сухой деревяшки, потревоживший летящие соринки.

Но следом Су Цзюгуй обрушил удар вниз. Вэнь Ци словно провалился в иллюзию: пространство перед ним раздвинулось, являя величественную картину. Будто исчез скромный дворик в Городе между Облаками, уступив место бескрайним хребтам и бурлящим океанам. И этот деревянный прут рассёк вовсе не пыль — он расколол горы и моря. По двору разлилась леденящая, непреодолимая жажда убийства, острая, как лезвие бритвы.

Юноша вдруг осознал: предстань он перед Лу Юньцзи в его прошлой жизни, он испустил бы дух ещё до того, как успел заметить движение клинка.

Говорили, что на закате своего пути великому мастеру уже не требовалось стальное оружие. Его верный меч Негасимый вернулся в Павильон Мечей, а сам Лу Юньцзи разил врагов одной лишь волей. Незримые клинки послушно исполняли его разум. Три его великие воли меча до сих пор несли дозор в Демоническом царстве, сдерживая натиск чудовищ. Увы, Вэнь Ци родился слишком поздно и уже не застанет тех легендарных времён.

— Разглядел? — Су Цзюгуй опустил ветку.

Вэнь Ци честно покачал головой. Тогда наставник начал медленно, до мельчайших деталей разбирать каждое движение. Юноша с удивлением заметил, что Су Цзюгуй не выказывает ни капли раздражения. Если у ученика не получалось, он повторял снова и снова. Из него выходил на редкость терпеливый учитель.

Он и не подозревал, что всё своё упрямство и вспыльчивость Су Цзюгуй когда-то растратил на Чжубая. Прошлые поколения сажают деревья, а потомки отдыхают в их тени: обучая непослушного дракона, Су Цзюгуй свирепствовал, словно карающее божество, но с Вэнь Ци обходился на редкость мягко.

— Для начала освой это движение, — произнес Су Цзюгуй.

Вэнь Ци благоговейно принял ветку обеими руками. Ещё полчаса назад она росла на обычном дереве, и упавши она под ноги, юноша бы даже не взглянул на неё. Теперь же он сжимал её как величайшую драгоценность, словно её коснулось благословение небожителя. Он держал её с величайшей осторожностью, боясь неосторожным движением развеять тонкую духовную ауру.

Су Цзюгуй не сомкнул глаз всю ночь. Расправа над солдатами Армии Таинственных Символов, противостояние с Чжубаем, утреннее сосредоточение и урок фехтования для Вэнь Ци — эти дела сменили друг друга, но он не чувствовал усталости. Напротив, по телу разливалась приятная лёгкость. В этом и заключалась суть истинного пути.

Уходя, Су Цзюгуй оставил Сяобая в глубокой слабости. Из-за ночной грозы тот побледнел так, словно перенёс тяжёлый недуг. Интересно, как он сейчас? Су Цзюгуй толкнул дверь и вошёл в комнату.

Сяобай сидел на постели, обхватив руками колени. Похоже, он тоже провел без сна всю ночь. Огарок свечи едва теплился, оплывая тяжёлыми восковыми слезами — фитиль горел до самого рассвета. Мальчик сидел растрёпанный, его смоляные волосы водопадом струились по плечам, напоминая покинутого, томящегося в опале фаворита.

— Наставник, вы вернулись?

Проведя бурную ночь в компании Чжубая, теперь Су Цзюгую предстояло встретиться лицом к лицу с Сяобаем.

Су Цзюгуй не любил подпускать людей близко, но в случае с Сяобаем его не покидало странное ощущение, будто они знакомы целую вечность. Призрачный заклинатель не ошибся: Су Цзюгуй действительно чересчур опекал тех, кого считал своими. Если бы Сяобай устроил ему допрос, было бы проще. Но этот преданный, безмолвный взгляд, лишённый упрека, и простое «вы вернулись» оставили в груди щемящее чувство.

Сяобай действительно прождал его до самого утра. Су Цзюгуя уже очень давно никто так не ждал.

Сяобай был лишь в тонком нательном белье. Су Цзюгуй мягко коснулся его подбородка, заставляя приподнять голову.

Последние дни он постоянно переводил взгляд с Сяобая на Чжубая, словно сравнивал две вещицы, пытаясь угадать, какая из них поддельная. И если раньше это были лишь смутные догадки, то после ночного разговора с Чжубаем сомнений почти не осталось. Сяобай — часть Чжубая. Однако их воспоминания не пересекались, а значит, следовало относиться к ним как к двум разным личностям.

Он внимательно вглядывался в лицо мальчика. Странно: он только что расстался с Чжубаем, но, глядя на Сяобая, не находил в них ничего общего. Черты Сяобая были слишком утончёнными, почти неземными, как у искусного демона-соблазнителя. В конце концов, лучшее искусство маскировки — это не хирургическая точность перевоплощения, а иллюзия, которая заставляет тебя смутно подозревать подвох, но лишает возможности сорвать покров. Возможно, Сяобай наложил на него какие-то чары.

— Не спал всю ночь? — спросил Су Цзюгуй.

— Да, — выдохнул Сяобай. Его подбородок всё ещё лежал в пальцах наставника, вынуждая подчиниться чужому взгляду. Но мальчик был не из робких и отлично знал, как растопить лёд. Слегка повернув голову, он прижался щекой к ладони Су Цзюгуя и по-кошачьи заглянул ему в

глаза: — Без вас не засыпалось.

Он потёрся о тёплую кожу, и на ладонь Су Цзюгуя упала прохладная слеза. В то же мгновение все подозрения отступили на второй план. Наставник не терпел чужих слёз — его сердце сразу дрогнуло.

— О чём ты плачешь? — Су Цзюгуй бережно смёл влажную дорожку с его щеки.

— Испугался, что вы меня бросите.

Су Цзюгуй помедлил. Этот ребёнок оказался куда более ранимым и привязчивым, чем Чжубай в детстве. Неужели он действительно лишь осколок его израненной души?

— Не брошу, — тихо пообещал он.

— Правда?

Су Цзюгуй мягко улыбнулся:

— Правда.

— Где вы были весь этот вечер?

— На Реке Небесной Воды.

Сяобай прищурился. Наставник всё-таки уходил к кому-то.

Стерев последние слезинки, Су Цзюгуй набросил на плечи мальчика тёплое одеяло. Жалость к измученному ожиданием ребёнку окончательно взяла верх:

— Ложись спать. Я побуду рядом.

Сяобай послушно кивнул — он никогда не перечил наставнику.

Су Цзюгуй прилёг рядом, повернувшись к нему спиной.

Внезапно прохладные кончики пальцев Сяобая коснулись его шеи. От этого ледяного прикосновения по коже пробежали мурашки. На бледной коже не осталось следов, ни единой капли крови, но Сяобай уловил там едва заметный чужой аромат. Кто-то ласкал это место.

— Вы ранены? — негромко спросил мальчик.

Су Цзюгуй ходил убивать, и за ним тянулся тонкий шлейф железа и характерной тёмной энергии демонов, о чём он сам даже не догадывался.

— Нет, — отозвался он, не оборачиваясь. Этой ночью он управлял лишь марионеткой, так что его собственное тело не пострадало.

Сяобай тихо хмыкнул, ведя пальцами ниже, вдоль воротника. Су Цзюгуй несколько не опасался его. Шея — самое уязвимое место любого человека, но наставник без тени тревоги подставил её под чужую руку.

Су Цзюгуй лежал неподвижно и не видел, как на лбу Сяобая зловеще вспыхнуло алое свечение. Мальчик медленно скользил ладонью вниз по его позвоночнику. Его прикосновения оставались ласковыми, ненавязчивыми, лишёнными всякой грубости. Но шаг за шагом он очерчивал каждое место, которого касался Чжубай, стремясь выжечь чужой след и заменить его собственным запахом.

"Почему ему позволено?"

Сяобая тошнило от этого запаха — тяжёлого, властного аромата истинного дракона. Этот запах душил своей ледяной силой.

"Почему именно Чжубай? Он ведь мечтает оборвать твою жизнь. Зачем же ты подпускаешь его так близко?"

Каждая встреча с Чжубаем забирала у Сяобая силы: расколота душа стремилась воссоединиться с первоосновой, но он сопротивлялся этому из последних сил. Он не желал исчезать. В его молочно-белых зрачках внезапно проступила крошечная чёрная точка — словно капля туши упала на чистый шёлк, ломая привычную картину. Обернись сейчас Су Цзюгуй, он бы испугался: на лице кроткого мальчика застыло выражение холодной, пугающей решимости.

"Если бы только ты принадлежал мне одному... Без остатка."

На берегах Реки Небесной Воды воцарилась глухая ночь. Веселье давно утихло, хмельные гости пресытились вином и забавами — мало кто способен кутить до рассвета. На рассыпанных по реке прогулочных ладьях погасла большая часть огней, некоторые уже пришвартовались у пристани. Опустевшие палубы покачивались на сонной воде, глухо сталкиваясь бортами.

Обычно увеселительные суда не уходили далеко от берега. Ради безопасности знати русло реки

огородили особыми границами, а приглашённые заклинатели укрепили их защитными печатями. Но там, за невидимой чертой, начинались мёртвые воды, куда никто не осмеливался заплывать.

Ночью в этих глубинах пробуждалась нечисть. Старожилы поговаривали, будто в голодные годы сюда сбрасывали мертвецов, а порой и живых младенцев, которых некому было прокормить. Дно Реки Небесной Воды было устлано костями, сочащимися вековой обидой. Здешние демоны охотно утаскивали на дно любого, кто имел неосторожность оступиться в воду.

Пропавших без вести здесь не считали. Года три назад один богатый гуляка решил удивить спутниц и приказал направить ладью в самое сердце запретных вод. Острых ощущений он получил с лихвой — только живым его больше никто не видел. Чаше всего в бездне исчезали бедные девицы или нищие лодочники, а сильные мира сего никогда не покидали безопасных границ, так что властям не было дела до этих таинственных смертей.

Сейчас на самом краю безлюдного берега стоял человек. Его ярко-красные одежды казались кричащим пятном среди ночного безмолвия. Порывы холодного ветра яростно трепали полы его халата, превращая силуэт в колеблющееся багровое пламя.

Цзи Юаньчу стоял у самой кромки тёмной воды в полном одиночестве, напоминая прекрасного, но зловещего призрака. В его пальцах дрожал пожелтевший бумажный талисман. Когда-то грозное заклинание теперь выглядело не более чем истлевшей бумажкой.

Он разжал пальцы. Ветер мгновенно подхватил талисман и унёс в непроглядную темноту.

Когда-то великий мастер воздвиг здесь могущественный барьер, заперев древних чудовищ на илистом дне, но теперь Цзи Юаньчу мимоходом разрушил его. И сорвал он не просто клочок бумаги — он разверз тысячелетнюю тайну, погребённую под толщей воды.

Вода в реке стремительно закипела, испуская плотный чёрный туман. Мгла поползла по берегам, а сама речная гладь начала на глазах наливаться густой, непроницаемой чернотой, похожей на тушь. Из глубин донёсся яростный всплеск: неведомая тварь, томившаяся в оковах веками, рванулась на волю, поднимая со дна многовековой ил.

Цзи Юаньчу достал заранее заготовленное письмо и небрежно бросил его в воду. Лист закружился в водовороте посреди беснующегося потока, и чёрная пена мгновенно поглотила исписанные аккуратными иероглифами строки.

Цзи Юаньчу прижал два пальца ко лбу и почтительно склонился в ту сторону, где находился Су Цзюгуй. То был древний жест демонов, выражающий покорность перед повелителем — так приветствовали великих демонических владык. И этот жест выглядел у него, формально считавшегося праведным заклинателем, пугающе естественно.

На его губах расплылась довольная улыбка.

— Пользуйтесь на здоровье, — прошептал он с такой искренней теплотой, словно преподнёс близкому другу бесценный дар.

Посреди ночи Су Цзюгуй резко открыл глаза.

Убивая солдат Армии Таинственных Символов, он оставил в их телах невидимые паучьи нити. Это был эксперимент — он хотел проверить пределы своей духовной связи на расстоянии и убедиться, что судно покинуло русло реки. Нити всё ещё отзывались в его разуме слабым, прерывистым эхом.

Попытавшись настроить связь тоньше, он вздрогнул. Поскольку паутина являлась частью его собственной души, он мог перенимать её ощущения. Сейчас нити дрожали. Они были охвачены первобытным ужасом.

Что могло напугать неодушевлённую материю?

Су Цзюгуй глубже погрузился в состояние сопереживания.

Перед его мысленным взором предстали густые заросли тростника, за которыми пряталась патрульная шлюпка Армии Таинственных Символов. Су Цзюгуй лично перерезал якорный канат, и течение должно было снести её далеко вниз по реке, но судно почему-то застыло на месте.

Из-за его вмешательства защитные барьеры на борту превратились в труху. Обычно эти талисманы горели алым светом, отпугивая речных тварей, но теперь они лишь безжизненно серели пеплом. На палубе царил мрак, не горело ни одного фонаря.

Внезапно корпус судна содрогнулся от мощного удара — точно так же, как тогда, на ладье Чжубая. Но в этот раз из глубин поднялись иссиня-чёрные склизкие щупальца, окутанные тёмными испарениями. С тяжёлым шлепком они обрушились на борта, оставляя на дереве густую, зловонную слизь.

Следом из воды полезли новые отростки. Извиваясь подобно змеям, они обвивали шлюпку, затягивая её в удушающие объятия, заползали на палубу и проникали в открытые люки кают.

Щупальца медленно скользили по доскам, словно приплюхиваясь, пока не наткнулись на мёртвые тела солдат. Они принялись оплетать трупы, разрастаясь с невероятной скоростью. Скоро тесный трюм заполнился этой шевелящейся массой до отказа, так что отдельные склизкие жгуты начали протискиваться наружу сквозь узкие иллюминаторы.

Раздался леденящий душу треск — под чудовищным давлением лопались стальные доспехи и сминались окоченевшие кости. Следом донёлся чавкающий, хрустящий звук пиршества.

Разум Су Цзюгуя захлестнула беспросветная тьма. Липкое, удушливое чувство медленно поднималось снизу, сковывая тело. Ледяной холод проникал под кожу, вонзаясь в суставы тысячами мелких игл.

И вдруг в этой крошечной подводной бездне распахнулись два огромных, немигающих глаза. Они зависли в пустоте, уставившись прямо на него.

<http://bllate.org/book/18298/1755146>